

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»

*Б Л И З
А З О В С К И Х
Б Е Р Е Т О В...*

К 200-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА ЛЕРМОНТОВА

К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАСИЛИЯ СУХОРУКОВА
К 185-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИКАЭЛА НАЛБАНДЯНА
К 115-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ ТУРОВЕРОВА

РОСТОВ - НА - ДОНУ

2014

ИЗДАНИЕ ДЛЯ СЛАБОВИДЯЩИХ

**АВТОР ТЕКСТА И СОСТАВИТЕЛЬ
Е. И. СОКОЛОВА**

ФОТОГРАФИИ ИЗ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
Э. А. ВАСИЛЬЧЕНКО**

ТИРАЖ: 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО В ГБУК РО
«РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

*Степь синяя расстилалась
Близ Азовских берегов,
Запад гас, и ночь спускалась;
Вихрь скользил между холмов,*

Михаил Лермонтов

*Ах, Дон, Кубань – Тмутаракань!..
А я в снегах здесь погибаю.
Вот Лермонтов воспел Тамань.
А я читаю и мечтаю.*

*И никуда не убегу...
Твердя стихи о Диком поле.*

Николай Туроверов

СОДЕРЖАНИЕ:

Загадки нашей культуры.....	5
Казак. Историк. Декабрист.....	12
Индийское наследство.....	23
Имя забытой страны.....	37
Степью лазурною.....	51

Встречающиеся в тексте понятия и термины поясняются в словаре в конце книги.

ЗАГАДКИ НАШЕЙ КУЛЬТУРЫ

*Следовать за мыслями великого человека
есть наука самая занимательная.*

Александр Пушкин

Александр Сергеевич Пушкин почти все свои высказывания оставил нам как маленькие заветы.

Таким уж судьбе угодно было создать этого человека. Гений. Один такой.

Вот и послушаемся. И последуем за мыслями великих людей.

Наш сборник предлагает освежить в памяти четыре биографии. Великость у них, конечно, разная.

Но мысли каждого – в той или иной степени – заслуживают того, чтобы о них вспомнить.

«Отодвинутый временем, он приближен к нам нашей любовью и пониманием – это человек бесконечно прекрасный; мудрый, юный и чистый; наделённый могучими страстями и волей, пронизательным и беспощадным умом.

И раскрывая томик его стихов, мы каждый раз слышим голос живого Лермонтова», - так воспринимал российского гения литературовед Ираклий Луарсабович Андроников.

И посвятил приближению этому целую жизнь. Выяснил, что означают буквы «Н. Ф. И.». Написал несколько книг.

Редактировал «Лермонтовскую энциклопедию».

Но даже Ираклий Луарсабович признавался, что приблизиться (как хотелось бы!) он не смог. Слишком неординарной личностью был молодой поэт.

А, в дошедших до нас отзывах современников, молодой поэт – будто две абсолютно разные личности.

Отзывчивый и добрый он – для ближайших друзей и тех, кто сумел вызвать его уважение. Правда, таких немного.

И – заносчивый, язвительный и вздорный – для остального света, уверенного, что до гибели поэт довёл себя сам, своим постоянным злословием.

Но общения-то этого в свете было – меньше десяти лет. А в конце – так и вовсе на войне.

Возможно, доживи поэт до академических седин, о несносном его характере в юности никто бы и не вспоминал. Но – имеем то, что имеем.

Что можно выяснить через двести лет? Предполагать – всё, доказать – ничего.

Точнее всех, наверное, отозвался о Михаиле Лермонтове философ-мистик Даниил Леонидович Андреев: *«Миссия Лермонтова – одна из глубочайших загадок нашей культуры»*.

Коснулись этой загадки и мы. Чуть-чуть. Только в связи с нашим краем.

К большому сожалению, Лермонтов и Дон – это почти ничего. Проехал просто по Области Войска Донского – и всё. Возможно, со временем, исследователи и найдут в архивах что-либо интересное.

Лермонтов и казачество – тут немножко больше. Но, в основном, это казачество кавказское.

И в сборнике «Близ Азовских берегов...» великому поэту отведена потому лишь одна глава. Но мы очень надеемся, что Вам, уважаемый Читатель, она будет интересна – как интересно всё, что связано с нашей былинной рекой!

Михаил Юрьевич Лермонтов – это одна из глубочайших российских загадок. И это одна из величайших российских трагедий.

А ещё три главки – о наших земляках, тоже литераторах, судьбы которых тоже очень трагичны.

И, по-своему, загадочны – много в биографиях неясного.

В юности Мишель Лермонтов был увлечён Катей Сушковой. А позднее отзывался о ней так: *«Эта женщина – летучая мышь, крылья которой цепляются за всё, что они встречают!.. Я не знаю, есть что-то такое в её манерах, в её голосе, что-то жёсткое, неровное, сломанное, что отталкивает...»*.

Екатерину Сушкову (Хвостову) в свете недолюбливали: расчётливая кокетка! А вот двоюродная сестра – Сушкова Евдокия (Растопчина) имела совсем другую репутацию: её очень уважали.

Большую известность в области Войска Донского получил молодой историк Василий Сухоруков. И всё – благодаря стихотворению «Ответ Дона».

Ответ поэтессе графине Растопчиной на её послание «К Дону».

Василий Сухоруков. Он достигал совершенно невероятных высот, но после высот следовали падения. Был офицером по особым поручениям у военного министра Чернышёва, пророчившего ему генеральское звание. И был политическим ссыльным.

Его замечательная книга по истории казаков увидела свет уже после смерти автора.

Василий Дмитриевич очень любил родной край и прошлое донского казачества, его талант признавали Николай Карамзин, Кондратий Рылеев и замечательные Александры, такие разные: Пушкин, Грибоедов, Бестужев и Одоевский.

Почти все декабристы нашли воплощение в художественных образах советской исторической и художественной литературы.

Сухоруков обойдён. В имеющихся биографических статьях (а их крайне мало) много тёмных мест. Не дошло до нас и ни одного портрета Василия Дмитриевича.

Похоронен он в Новочеркасске, но могила не известна. Сохранилась лишь фотография надгробия.

Серьёзно занимался исследованием творчества историка XIX века историк века XX Николай Семёнович Коршиков.

Но Сухоруков ждёт и других исследователей.

Александр Пушкин и Михаил Лермонтов писали по-русски и по-французски.

Первым на армянский язык перевёл их Микаэл Налбандян.

Революционно-демократический писатель – самая яркая фигура в армянской литературе второй половины XIX века.

Знавшие его всегда отмечали необыкновенную эрудицию Микаэла Лазаревича – он был энциклопедически образован.

Занимался вопросами философии, политэкономии, лингвистики, педагогики, естествознания.

Проповедовал идеи материализма Людвиг Фейербаха и Николая Чернышевского.

Налбандян стал властителем дум не одного поколения армянской передовой интеллигенции. Он пытался объединить усилия демократических сил Армении с русским освободительным движением.

Много с чем довелось армянскому философу встретиться на жизненном пути: ссорился он с церковью, знакомился с системой судопроизводства Великобритании, побывал узником Алексеевского равелина.

Работы его запрещали, но их просто переписывали от руки.

«Опорой нации и её рычагом является простой народ.

Как бы ни была богата нация замечательными людьми, тем не менее, движущей силой её остаётся простой народ – именно он и есть стан, ось и рычаг этой машины», - так считал Микаэл Лазаревич.

Строчки о том, что *«Лермонтов воспел Тамань»*, вынесены эпиграфом к этому сборнику.

А имя автора строчек на долгие десятилетия из русской литературы было вычеркнуто.

Тайно переписывали не только Микаэла Налбандяна.

Тайно – только теперь уже в СССР – переписывали стихи Николая Туроверова.

Во многих казачьих станицах и хуторах ходили легенды, что именно где-то тут – то ли он жил, то ли проходил с кавалерией в гражданскую.

Николай Николаевич Туроверов – поэт, сумевший с поразительной силой выразить тоску эмиграции. И трагедию казачества, почти полностью выкошенного после 17-го.

Стихи его появлялись в газетах и журналах Зарубежья, их переписывали и читали на русских военных и литературных вечерах повсюду, где нашли приют изгнанники – в Аргентине и Алжире, в США и Сербии.

И, конечно, во Франции – стране, в которой он прожил пятьдесят два года.

Но, кроме своего прекрасного поэтического дара, Туроверов был ещё и историком, и издателем, и организатором роскошных выставок.

И сегодня специалисты считают его одним из ведущих знатоков казачьей иконографии и русского портрета.

А одну из лучших своих парижских экспозиций посвятил он творчеству Михаила Лермонтова.

Николай Николаевич был главным хранителем уникальной библиотеки генерала Дмитрия Ознобишина, публиковал статьи по истории казачества и русской военной славы.

Он правдами и неправдами доставал средства, чтобы выкупить очередную русскую военную реликвию, появившуюся на какой-нибудь парижской барахолке.

И всю жизнь помнил Россию. Помнил, как последний раз видел кромку родного берега. И всю жизнь тосковал:

*Напряглась и такую осталась
Тетива наших душ навсегда.
Чёрной пропастью мне показалась
За бортом голубая вода.*

Через двадцать лет после смерти Николай Николаевич Туроверов вернулся в Россию.
Своими стихами.

Много в истории России загадок.
Но ведь как было бы скучно и обидно, если бы их не было!

*

КАЗАК. ИСТОРИК. ДЕКАБРИСТ.

*Историческое описание
земли Войска Донского –
труд важный, не только для России,
но и для всего учёного света.*

Александр Пушкин

7 января 2015 года исполнится 145 лет со дня основания Центральной городской библиотеки города Новочеркасска – первой публичной на Дону. Она носит имя Александра Сергеевича Пушкина.

Но существованием своим библиотека обязана другому человеку.

Это историк Василий Дмитриевич Сухоруков. В 1821 году обратился он к атаману Андриану Карповичу Денисову с предложением об открытии в столице Области Войска Донского собственной читальни.

Предложение было принято. И (хотя, правда, уже и после смерти Сухорукова) библиотека в Новочеркасске появилась. Любители чтения вносили по 50 рублей.

Главная деяние всей жизни Василия Дмитриевича Сухорукова – «Историческое описание Земли Войска Донского».

Это документальное исследование истории донского казачества: от его возникновения до подавления Булавинского восстания. И это сведения о связях казаков с Москвой, с Османской империей и Крымским ханством.

В исторической науке вопрос о происхождении казачества до сих пор остаётся дискуссионным.

Василий Дмитриевич одним из первых попытался определить истину.

Донцы любили и почитали историю родного края. Но великое прошлое, трагические эпизоды жизни – в преданиях и сказаниях, естественно, преображались.

Кое-кто из учёных полагает, что на Руси феномен казачества вырастает из былинного эпоса.

К примеру, образ Ильи Муромца – его и называли «старый казак».

Сухоруков в своих капитальных исследованиях старался изучать лишь достоверные факты.

Он отмечал: *«Имя казак стало известно в России от монгольских баскаков, кои начальствуя в некоторых российских городах, имели при себе казаков для охранения своего и для других надобностей.»*

Что означает слово казак?

Слово казак на языке монгольском означало пограничного стража и вообще военного человека...

По смыслу слов, в летописи и современных актах встречающихся: «На Поле ходят баловни казаки» или такой-то «казакует», нельзя полагать, чтобы имя казак значило пограничного стража.

Судя по сведениям, приведённым в актах XVI-XVII вв., где сообщается, что «казаки живут своим казачьим обычаем» (кочевым), нельзя трактовать, что они занимались разбойным делом».

В целом, по оценке дореволюционных историков, слово казак означало отважного наездника, живущего набегами и военными походами, не привязанного к земле и домашности».

Простота языка, энциклопедические знания, любовь к своему краю отличают «Историческое описание...»

И, потому, современные учебники по истории Дона в основе своей содержат все эти сухоруковские заметки.

Так что, Василия Сухорукова можно назвать *«отцом донской истории»*.

Точную дату его рождения мы не знаем. Только год – и тот в разных источниках указан по-разному: то 1794, то 1795.

Будущий историк, один из самых известных дореволюционных исследователей жизни донского казачества, происходил из обер-офицерских детей.

Вся его жизнь тесно связана с Новочеркасском. Здесь окончил Василий войсковую гимназию, сюда – после успешного окончания Харьковского университета – 20-летним и возвратился.

Молодого правоведа зачислили в Войсковую канцелярию. Через год уже был хорунжим.

В 1821 году на старательного работника обратили внимание начальники Комитета об устройстве Войска Донского генералы Александр Иванович Чернышёв и Иван Фёдорович Богданович.

Василию Сухорукову поручается собрать статистические и исторические материалы для летописи Земли Войска Донского.

Хорунжий был несказанно рад: «Для исполнения сделанного мне поручения я употребляю все способы и не оставляю ни малейшего источника без рачительного и точного исследования».

Сам объехал станицы Хопёрского, Донецкого, Усть-Медведицкого и двух Донского округов, а также обследовал архив Новохопёрской крепости.

Кроме того, записал много устных преданий и песен; собрал уже существовавшие подобные записки, летописи, рассказы; побывал на древних городищах и в старых казачьих городках.

Уже через год, вместе со своими помощниками подготовил Сухоруков более пяти тысяч «писанных листов». Особенно помог петербургский историк Павел Михайлович Строев, его пригласили для изучения материалов Московского архива иностранной коллегии.

Только один этот факт уже даёт представление о том, какая колоссальная проводилась работа.

А в январе следующего года донской историк поехал в столицу. Числился корнетом Лейб-гвардии казачьего полка и чиновником особых поручений при генерале Чернышёве.

Вот генерал (вместе с проектом Положения об управлении Войском Донским) и собирался представить на рассмотрение императору Александру I изыскания своего подопечного.

Подопечный встретился с Николаем Михайловичем Карамзиным. Академик благосклонно оценил первую часть сухоруковской работы (*«от начала донской истории до времени самозванцев»*).

Познакомился Василий с директором Иностранного архива Василием Фёдоровичем Малиновским, вступил в Вольное общество любителей российской словесности.

И подружился с Кондратием Рылеевым, Дмитрием Завалишиным, Александром Корниловичем и братьями Бестужевыми.

Журнальные публикации молодого донского исследователя, приподнято-романтически повествовавшие о героизме и демократизме раннего казачества, вызвали интерес.

Долгие годы в исторической науке оставалась нерешённой проблема участия представителей донского казачества в декабрьских событиях 1825 года.

Долго считалось, что казачество не бунтовало – наоборот, оказывало царям *«неоценимые услуги»* за что получало *«высочайшую признательность и благоволение»*.

Сегодня краеведы считают, что донские казаки присутствовали на Сенатской площади.

О Сухорукове говорили как *«о прикосновенном к заговору»*. Но имеется ряд доказательств, что был он не только близок заговорщикам по дружеским связям, но и сам состоял в тайном обществе.

В «Списке лиц, названных членами обществ, составившихся после уничтожения Союза Благоденствия, но, по маловажности показаний, не требуемых к следствию» Сухоруков указан членом Северного общества под номером один.

Будущие декабристы искали поддержку в среде казачества. Но не готово оно было к выступлениям против самодержавия.

Известно, что в сентябре 1825 года Василий Дмитриевич объяснял друзьям, что особо рассчитывать на казаков не стоит: *«У нас и думать об этом нечего, ибо казаки привержены к царю и никак не могут сообразить иного порядка вещей... У нас надобно людей сделать»*.

Однако их – по мнению Сухорукова – можно было подготовить путём просвещения, то есть тем самым путём, каким деятели Северного общества подготовили в «учёной республике» его самого.

С этой целью и организовал Василий Дмитриевич в Войсковой столице «Литературные собрания». Членами, как и в столице российской, в основном, были офицеры.

Сухоруков с Корниловичем издавали альманах «Русская старина». Но в Петербурге Василию, с его слабыми лёгкими, было очень некомфортно. Ещё за год до событий на Сенатской площади он просил у Чернышёва позволения вернуться на Дон, но генерал не отпускал.

Помог случай.

Император отправился на Юг. Пришлось и Чернышёву. В сентябре 1825 года генерал и его чиновник по особым поручениям выехали в Таганрог.

Там, 1 декабря, уже после смерти императора Александра, генерал и узнал о существовании в России тайных обществ. В доносах упоминались приятели Сухорукова.

Генерал решил не рисковать (ведь пророчил Василию генеральские эполеты и пернач атамана!) и предписал своему подопечному житьё в Новочеркасске. Под тайный надзор Богдановича. А сам отправился в Тульчин *«для арестовывания полковника Пестеля»*.

Так Сухоруков – ещё за неделю до восстания – оказался под надзором у себя на родине.

А вскоре Чернышёв получил и официальное подтверждение своим подозрениям: *«Глубокое отвращение к зависимости и уверенность, что они одни умные люди и рождены для того, чтобы расточать участью других – есть главное чувство, управляющее оными действиями весьма хитрого Сухорукова.*

Приверженцы его следуют тому же побуждению. Необходимость повиноваться начальникам или старшим всем им тягостна, а всякая взыскательность приводит их в исступление».

Далее в доносе говорилось, что у Сухорукова давно уже примечено тайное *«желание сделаться Оракулом или преобразователем своих соотчичей»*, по его мнению – *«грубых и непросвещённых»*.

Оставшись па Дону под предлогом болезни, он, естественно, начнёт скоро свои действия – *«распространение мнений своих под завесою просвещения и очищенного вкуса»*.

Ко времени написания этого доноса тайное общество или «непозволительное», как называл его войсковой атаман Дмитрий Ефимович Кутейников, уже действовало четыре месяца.

Но о существовании его станет известно лишь в 1828 году, во время расследования дела бывшего войскового атамана генерала Алексея Васильевича Иловайского.

Первое заседание «непозволительного» общества «Литературных собраний» происходило в доме Василия Дмитриевича. Деятельность подразумевала чтение и критическое обсуждение русской и иностранной классики, не забывали и собственные сочинения.

Но, вполне возможно, что Василий Сухоруков при организации «Литературных собраний» преследовал и другую цель, не только просветительскую.

Явных связей новочеркасского общества со столичными – следственной комиссии установить не удалось, в Нерчинск Сухоруков не попал.

Высочайше повелели оставить на Дону и *«иметь за ним бдительный тайный надзор и ежемесячно доносить о поведении»*. И запретили возвращаться в родной Лейб-гвардии казачий полк.

Но, и не посадив на скамью подсудимых, его всю жизнь преследовали и терзали.

И отняли богатейший архивный исторический материал, собранный для будущей книги.

Ведь уже было готово «Статистическое описание Земли войска Донского», а «Историческое...» доведено до Булавинского бунта!

Опальному историку предоставили возможность «перебелить» рукопись начисто – после чего приказали сдать все драгоценные материалы, до последнего листка(!) и отправляться служить в Кавказский корпус.

Это была трагедия. Чернышёв (спасая, естественно, в первую очередь, себя) спас Сухорукова от крепости. Но отлучил от дела и смысла жизни.

Летом 1827 года сотник Василий Сухоруков прибыл в штаб генерала Ивана Фёдоровича Паскевича.

Немало влиятельных людей пытались помочь опальному есаулу; в их числе был и Пушкин, они познакомились во время «путешествия в Арзрум».

Войсковым наказным атаманом на Дону в тот год был казачий генерал Андриан Карпович Денисов, боевой друг другого генерала – Николая Николаевича Раевского.

Александр Сергеевич очень порадовал Василия Дмитриевича: *«Я постоянно читал вашу «Старину», которую присылал мне брат Лев в Михайловское, куда меня упрятал царь».*

Они много и оживленно беседовали. Вспоминали друзей-декабристов.

«Вечера проводил я с умным и любезным Сухоруковым, сходство наших занятий сближало нас...

Сухоруков имеет отличные дарования. Он умный и любезный человек. Он говорил мне о своих литературных предположениях, о своих исторических изысканиях.

Но у него отняли богатейший архив, некогда тщательно собранный им. Произведения его всегда дельные, добросовестные и любопытные. Жаль, если его планы и желания не будут выполнены».

В «Истории Пугачёва» поэт использовал статью Сухорукова «О внутреннем состоянии донских казаков в конце XVI столетия».

Они вели переписку. Лишь из пушкинского письма известно нам о супруге Василия Дмитриевича. Опальный историк остановил свой выбор на Ольге Васильевне Швецовой.

Видимо, всё же не только Александр Пушкин считал его порядочным человеком: Ольга – дочь статского советника. Непорядочному бы не отдали.

В этом браке – три девочки: Зинаида, Ольга и Людмила.

А Пушкин (по свидетельству их общего знакомого, поэта Михаила Владимировича Юзефовича), узнав об изъятии всех бумаг, *«чуть не плакал и всё думал, как бы, по возвращении в Петербург, выхлопотать Сухорукову эти документы».*

Летом 1831 года поэт передал в Третье отделение записку «О сотнике Сухорукове».

Отмечая *«отличные дарования»* и *«склонность к учёным трудам»*, Александр Сергеевич просил шефа жандармов облегчить участь ссыльного.

А главное – просил позволения снять копии с ранее собранных записей и продолжения работы в дальнейшем.

Но ходатайство Александра Сергеевича (несмотря на то, что Василий Дмитриевич надеялся посвятить свой труд императорскому высочеству великому князю наследнику!) вызвало неудовольствие Александра Христофоровича Бенкендорфа.

Высказался против и Чернышёв.

В 1836 году Пушкин начал выпуск своего журнала *«Современник»* и пригласил Сухорукова, отдавая должное его *«дельным, добросовестным и любопытным произведениям»*. Но сотрудничеству не суждено будет случиться: *«Современник»* выходил лишь один год.

8 февраля 1837 года его основатель отправится на роковую дуэль.

За участие в русско-турецкой войне 1828-29 годов опального историка наградят орденом Владимира и золотой саблей. Произведут в поручики.

А между боями он успевал писать статьи для *«Тифлиских ведомостей»*.

В 1830 году – новый донос. Тогда граф Александр Чернышёв (теперь уже военный министр) отправил его с Донским полком в Финляндию.

С этим полком Василий Сухоруков снова побывал и на Дону, и на Кавказе.

В 1839 году уволен он, наконец, из армии «за выслугой лет без наград». Без наград, наверное, из-за доноса.

25 августа 1841 года историк-декабрист Василий Дмитриевич Сухоруков ушёл из жизни.
Официальная причина – туберкулёз.

*

ИНДИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВО

*Микаэл Налбандян – один
из немногочисленных передовых деятелей
просвещённого мира его времени,
одна из немеркнущих,
светлых и ярко горящих звёзд
на небосклоне армянской литературы.*

Ованес Туманян

В 1861 году в Европу прибыл восточной внешности молодой революционер. Из России. Звали его Михаил Налбандов.

Михаил привёз своим единомышленникам огромную сумму – на решение грандиозных проектов мирового освободительного движения. Откуда у парня из семьи бедного кустаря такие деньги, особо не интересовались. Наследство, вроде, досталось!

Слухи, в принципе, полностью соответствовали действительности.

За исключением того, что наследство досталось не революционеру-романтику, а армянской общине на территории Войска Донского – городу Нахичевани. Или, как писали тогда – Нор-Нахичевану, Новому Нахичевану.

В первые годы своего обустройства на новом месте жители Нахичевани-на-Дону обратились за помощью к другим армянским колониям.

На этот призыв горячо откликнулись индийские соплеменники. Среди них был и Абдул Масех Мартирос Бабаджан.

Об этом откликнувшемся знаем лишь то, что он указал в своём завещании от 30 мая 1794 года: *«Христианин, армянин родом из города Амадана. Купец, в настоящее время проживаю в Индии в городе Калькутте, что под властью Англии.*

Считая всё своё достояние состоящим из шестнадцати долей, восемь завещаю и целиком отдаю на благоустройство армян города Нахичевань Азовского уезда.

Две доли из этих восьми – школе, две – больнице, две – дому нищих и ещё две – детскому приюту в искупление моих грехов и в утешение моего народа, чтобы там среди них осталась моя память.

Шесть долей из остальных восьми оставляю в городе Калькутте.

Остальные две доли оставляю странникам, которые в Калькутту придут из Армении, армянам и людям странствующим и нуждающимся, которые окажутся здесь».

Состояние Масеха Бабаджана достигало ста тысяч рупий. Назначенные им распорядители обязаны были в январе каждого года пересылать определённую сумму нахичеванским благотворительным учреждениям.

Но в Нахичевани о завещании Масеха Бабаджана узнали лишь в 1818 году!

И лишь через десять лет, в 1828 году нахичеванские армяне написали в Индию официальное письмо по поводу положенных денег.

Но ответа так и не дождались. Потому, ещё через тридцать лет, было решено отправить личного представителя.

На роль посланца подошёл армянский публицист и поэт Микаэл Лазаревич Налбандян.

В начале 1861 года Микаэл отправился в кругосветное плавание: сначала в Лондон, получить подтверждение своих полномочий; а затем, и в Калькутту.

Очень долго пришлось ему собирать нужные бумаги; находить адвокатов, готовых работать и с армянами, и с индийцами, и с британцами – ведь британская колониальная администрация и городское управление Калькутты и слушать ничего не желали!

Начались бесконечные суды, осложнённые языковой проблемой и необходимостью детального изучения финансовых документов.

Индия. Изнуряющая жара. Влажный климат.

Отменным здоровьем Налбандян не отличался и ранее – к концу судебных заседаний обострилась застарелая лёгочная болезнь.

И всё же процесс удалось выиграть. В течение трёх месяцев в Верховном суде Западной Бенгалии Британия доказывала свою правоту. Не доказала. Суд определил, что Нахичевань-на-Дону является истинным наследником Масеха Бабаджана и должна получать половину всех его доходов согласно завещанию ежегодно, начиная с 1797-го – года смерти завещателя.

Наконец, посланцу с далёкого Дона вручили первую сумму – шестьдесят тысяч рублей, и он вошёл на корабль.

Но курс океанский лайнер держал не в Россию, где его ждали соплеменники, а в Европу – к революционерам-единомышленникам.

Дело в том, что ещё по дороге в Индию романтический Микаэл тесно сблизился с представителями общеевропейского освободительного движения, сумевшими за короткий срок очаровать его идеями мирового пожара.

Вот такое своеобразное индийское наследство, революционное, получил он сам.

Ну, а революционеры такому нужному человеку, конечно же, обрадовались несказанно! И неважно совсем, что деньги-то не его, а народные. Есть куда более важное: закупка оружия для турецких армян, финансовая поддержка гарибальдийцев!

Бабаджановские деньги таяли на глазах.

Только в начале июля 1862 года Налбандян вернулся на родину. Несколько подвод с грузом всё же привёз. Его ждали чуть ли ни как мессию! Слухи о богатом возвращении появились много раньше самого путешественника – утверждали, к примеру, что в одной из телег везут живого носорога!

Радовались все: и нахичеванцы, и ростовцы.

Но путешественник о богатом возвращении ничего не сообщил, заметил лишь, что в обозах находятся редкие заморские семена, а носорог пока в московском зоопарке.

Горожане ничего не поняли: зачем им семена? Назначили на 14 июля официальное собрание для заслушивания индийского отчёта.

Однако в ночь с 13 на 14 июля Микаэла – как возмутителя спокойствия – арестовали. С корабля – в тюрьму.

Всё имущество, все ценные бумаги и телеги конфисковали, а самого возмутителя увезли на дознание в столицу.

Но земляки запомнили его не как горе-посыльного.

Микаэл Налбандян – известный армянский писатель, философ, революционный демократ.

Родился он 14 ноября 1829 года в семье ремесленника в Нор-Нахичеване.

Ныне – это Пролетарский район Ростова-на-Дону.

Средств для обучения сына у родителей не было, но маленькому Микаэлу повезло: на смышлёного пацана обратил внимание Габриэл Патканян и взял к себе в религиозную школу.

Под влиянием своего талантливого учителя ученик избрал своей стезёй служение Богу.

Патканяна перевели в Бессарабию, в епархию. Поехал и Микаэл. Работал секретарём и учился в Петербургском университете на факультете востоковедения.

Он честно хотел стать священником, но нравы, царящие в церкви, разочаровывали всё больше.

Получив степень кандидата, стал преподавать в Лазаревском институте восточных языков в Москве. И решил продолжить образование – поступил в Московский университет изучать медицину.

И начал свою литературную деятельность – в 1858 году его принимают в редакцию журнала «Юсисапайл» («Северное сияние»).

Статьи из-под пера будущего медика выходят самые разные: об армянской литературе, о театре, о новом народном языке, о просвещении и роли женщины, о воспитании.

Налбандян решил, что он будет *«срывать все и всяческие маски»* с действительности, и начал с духовенства. И своими резкими обличительными статьями, конечно же, навлёк на себя гнев армянской церкви.

Архимандрит Гавриил Айвазовский в своём доносе министру внутренних дел обвинял новоиспечённого журналиста *«в безбожии, безнравственности, в бунтарстве и сеянии смуты в народе»*.

Журналист парировал памфлетом «Две строки»: это уже был открытый призыв к насильственному свержению тирании. Провозглашение *«свободы и равенства прав человека»*.

«Старые умы, - писал Микаэл Лазаревич, - никогда не согласятся мирно уступить место новым идеям... Новому придётся с боем водружать своё знамя на развалинах старины».

В «Двух строках» изложил он основные положения своего кредо: *«Мы добровольно посвятили себя защите прав простого народа, подразумевая под словом «народ» угнетённые массы армянского крестьянства – злосчастного, жалкого, нищего, голого и голодного армянина, угнетаемого не только чужими варварами, но и своими богачами, своим духовенством...»*

Защищать попираемые права этого армянина – вот подлинный смысл и цель нашей жизни».

Читатели «Юсисапайла» с нетерпением ждали выхода каждого очередного номера журнала, где журналист-бунтарь печатал «Дневник» – остросатирическое произведение, разоблачавшее классовый эгоизм национальной буржуазии.

Дневник давал возможность сочетать самые разнообразные приёмы повествования. Рассказы о культурных спорах, впечатления о новой пьесе, комментарии к новой статье.

Такая, вроде бы стихийная, форма подачи информации, наоборот – считал информатор – помогала читателю преподнесённый материал лучше понимать.

В России были тогда у всех на слуху романы Оноре де Бальзака. И созданные Налбандяном образы (например, коммерсант Бекзаде, у которого *«страсть к наживе просыпается 365 раз в году»*) находили самый живой отклик!

Для Микаэла Лазаревича литература – очаг культуры, света и знаний, незаменимый источником для изучения народного быта.

А высшее её назначение – служить народу и воспитывать у него чувство непримиримости к своему угнетённому состоянию.

Микаэла Налбандяна называют зачинателем профессиональной критики и основоположником критического реализма в армянской литературе.

«В оригинальной национальной литературе, - писал он, - то есть в её художественных произведениях, отражаются дух, быт и нравы народа и столько тонких и глубоких явлений, что история – для изображения их – немогущая и нуждается в помощи поэзии».

Но приветствовал художественные произведения – лишь на новом народном армянском языке (ашхарабар) взамен древнеармянского (грабар). Ведь только такие произведения могут проводить прогрессивные идеи в широкие массы!

За что постоянно подвергался нападкам со стороны приверженцев старины.

Он был философом и писателем. Сочинял и стихи. Как поэт, правда, не состоялся.

После знакомства с немецкой философией армянский литератор обратил взор на русскую революционную демократию. И направил деятельность свою в русло идейно-политической, философской и эстетической программы шестидесятников.

В годы революционной ситуации, он, одним из первых армянских писателей, воспринял идейную пропаганду журналов «Колокол» и «Современник».

Во время своего индийского хождения, познакомился с Александром Ивановичем Герценом, Николаем Платоновичем Огарёвым, Михаилом Александровичем Бакуниным и другими русскими эмигрантами.

Горячо обсуждал программу организации «Земля и Воля» и усиленно пропагандировал среди армянской диаспоры эстетику Виссариона Белинского и Николая Чернышевского.

В Константинополе Микаэл Налбандян подружился с редактором газеты «Мегу» («Пчела») Арутюном Сваджяном. Дружба вылилась в создание тайного революционного общества «Партия молодёжи», а гость из далёкой России стал одним из вдохновителей вооружённого выступления турецких армян – Зейтунского восстания.

Налбандян постоянно напоминал об исторических судьбах армянского народа, который должен был вести борьбу.

Как против своих внутренних угнетателей, так и против внешних – султанской Турции и царской России.

Микаэл Лазаревич считал, что освобождение и самой России имеет огромное значение для человечества. В своей главной работе «Земледелие как верный путь» он отмечал, что русский народ добивается свободы не только для себя, но и для Польши, для Малороссии, для Кавказа, для Грузии и Армении.

И потому подчёркивал неразрывное единство национальной и социальной борьбы и ратовал за братский союз русского и армянского народов против эксплуататорского строя.

«Я отдаю жизнь свою борьбе за то, чтобы дети армянского народа были свободны от всякого чужеземного угнетения и от всякого социального порабощения, чтобы армянский народ мог жить в братстве и дружбе со всеми народами как равный с равными, чтобы Армения одолела нищету, нужду и бескультурье».

С позиций народнического социализма он полностью раскритиковал реформу 1861 года, так как считал крестьянскую революцию единственно правильным решением проблем.

«Существенное достоинство человека заключается в безграничной свободе его мысли; если и она будет подвергаться насилию того или иного авторитета или системы, тогда собственно в чём же прелесть человеческого достоинства?»

Этот свой трактат, «Земледелие как верный путь», он (под именем Симеона Маникяна) сумел издать в Париже. А Михаил Бакунин выдавал потом армянские экземпляры за «Поваренную книгу» и отправлял в Россию.

Идейное влияние Налбандяна на армянскую общественную жизнь было огромным. Что, конечно же, вызывало недовольство охранки. В России запрещали даже его изображения. И, конечно же, и изображения, и печатные работы распространялись нелегально.

Но всему приходит конец.

Вот, летом 1862 года, за связь с русскими революционерами за границей, за участие в общественном движении и за резкие выступления против правительства молодой бунтарь оказался в Петропавловке.

«Процесс 32-х».

Но и в крепости Налбандян упорно работает. Снова пишет для «Юсисапайла». В камере созданы «Опыт радикальной реформы армянского языка», антирелигиозная поэма «Похождение праотца», заметки «Гегель и его время».

27 апреля 1865 года на открытом заседании Сената был объявлен приговор.

Обвинили «кандидата С.-Петербургского университета Михаила Налбандова в знании о преступных замыслах лондонских пропагандистов.

В содействии им к распространению в России запрещённых их лондонских изданий, в стремлении распространять на юге России, между армянами, противоправительственное движение».

Сенат постановил его «оставить в сильном подозрении и затем, как личность неблагонадёжную, предоставить министру внутренних дел выслать в один из отдалённых городов России под строгий надзор полиции».

В ноябре Микаэла Налбандяна сослали в Камышин.

Через пять месяцев, 12 апреля 1866 года он умер.

Армянский борец за свободу прожил всего тридцать шесть лет.

Похоронить себя завещал – на родине.

В начале мая родственники перевезли прах в Нор-Нахичеван. Гроб был встречен, как указано в полицейском отчёте, «с необыкновенным триумфом и почётом». А похороны вылились в массовую демонстрацию.

Могила Микаэла Лазаревича Налбандяна – на территории церкви Сурб-Хач.

В 1902 году тайно от властей почитатели установили памятник-надгробие. Простоял он сорок лет, но при отступлении немцев был разрушен. К 120-летию со дня рождения писателя памятник восстановили.

А в 1954 году, к 125-й годовщине, имя армянского философа, писателя и революционера было присвоено Межпоселенческой библиотеке Мясниковского района и одной из улиц в Пролетарском районе Ростова.

А что же с многострадальным наследством?

Три года над этим делом трудился один из лучших следователей по экономическим преступлениям, действительный тайный советник генерал Михаил Константинович Катакази.

Однако все поиски оказались тщетны: не было в живых самого путешественника. И не было никаких его отчётов и объяснений.

Отыскались лишь облигации займа Итальянской республики, которые Налбандян приобрёл для гарибальдийцев.

На эти средства донские армяне построили гостиницу, носящую и сегодня имя «Московская». Доходы от неё шли на благоустройство Нахичевани.

Но нахичеванцы не успокоились, в 1913 году снарядили новую экспедицию. Во главе её стоял доктор биологии Оваким Бедельян. Миссия нового посланца тоже завершилась успешно. Состоявшийся в Индии суд постановил выплатить нахичеванцам все причитающиеся им деньги.

Вплоть до революции проценты исправно поступали на счёт Русско-Азиатского банка в Ростове.

После революции банки денационализировали.

Связь с внешним миром прервалась надолго.

И всё же наследство где-то до сих пор существует. Где-то в далёкой Индии крутятся немалые деньжищи, по праву принадлежащие ростовскому сообществу нахичеванских армян...

По канонам британского права прошедшее однажды через суд дело автоматически имеет юридическую силу, хотя бы и через сто лет.

Армянская диаспора Дона обращалась к католикосу всех армян Вазгену I. Его преподобие в свою очередь, обратился в Международную коллегия адвокатов и предложил двадцать тысяч фунтов за возвращение ростовским армянам причитающегося им наследства.

Но всё безрезультатно.

Итак, в 1797 году индийский миллионер оставил нахичеванским армянам наследство. В 1861 и 1913 годах часть денег удалось получить.

В советское время (какое наследство? Индия – дружественная страна!) этим вопросом никто не занимался, а надо полагать, проценты за двести лет набежали немалые.

Ходят упорные слухи, что калькуттские дивиденды получает сегодня ещё одна дружественная страна – Армения, не имея на то никаких законных оснований.

*

ИМЯ ЗАБЫТОЙ СТРАНЫ

*Но в разлуке с тобой не прощаюсь,
Мой далёкий отеческий дом, –
Перед Господом не постесняюсь
Называться донским казаком.*

Николай Туроверов

*Есаул, есаул, что ж ты бросил коня?
Пристрелить не поднялась рука...
Есаул, есаул, ты оставил страну –
И твой конь под седлом чужака, -*

весело пел в 90-е прошлого столетия Олег Газманов. И весело пели все мы, особо не вникая в смысл.

А двадцатью годами ранее, в 70-е годы прошлого столетия, была очень популярной баллада (особенно в исполнении Александра Градского) «Лошади в океане». Слова Бориса Слуцкого, музыка Виктора Берковского.

Совсем невесёлая баллада. Никого не оставляла равнодушным история о том, как «плыл по океану рыжий остров».

Перевозивший коней корабль пущен ко дну вражеской миной. Люди спаслись. А кони...

*Кони шли на дно и ржали.
Все на дно куда не ушли.*

Это очень страшно. И, хотя вины моряков затонувшего корабля тут нет, до конца дней преследовал их образ «рыжего острова».

А если вина есть?
Как жить тогда?

Наступали последние дни Белого движения.
Крым. Всё, что осталось от русской земли. Барон Врангель спешно, но организованно, эвакуирует последние части истекающей кровью Русской армии.

Эти части стояли последней преградой на пути армии Красной.

На одном из пароходов – казачий офицер Туроверов.

Казачи вынуждены были оставлять своих боевых товарищей – коней. Верные животные метались по берегу, бросались в воду и плыли за своими хозяевами.

Некоторые убивали своих коней, другим – не хватало духу.

И несчастные животные потом долго блуждали по разорённому полуострову и умирали от голода и тоски. Новых хозяев просто не было – зачем брать, если нечем кормить.

Так что, под седлом чужака конь есаула не ходил.

Об этом казачий офицер напишет одно из самых известных своих стихотворений. Оно так и называется – «Крым».

*Уходили мы из Крыма –
Среди дыма и огня,
Я с кормы всё время мимо
В своего стрелял коня.*

*А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Всё не веря, всё не зная,
Что прощается со мной.*

*Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь всё плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.*

*Мой денщик стрелял не мимо.
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.*

Возможно, этот крохотный фрагмент гражданской войны стал для казачьего офицера Туроверова самым страшным...

Этот крохотный фрагмент гражданской войны использовал потом режиссёр Евгений Ефимович Карелов в прекрасном фильме «Служили два товарища» (с Владимиром Высоцким и Олегом Янковским).

У тогдашних зрителей дух перехватывало во время пронзительного эпизода: вслед за уплывающим пароходом в воду бросался конь, пытаясь догнать навсегда покидающего его хозяина...

Даже сейчас его имя известно не многим. И, хотя в России за последние шесть лет увидели свет три его сборника, но тиражи невелики, нет их даже в донских библиотеках.

А Николай Николаевич Туроверов заслуживает признания.

Будущий известный поэт Зарубежья родился 30 марта 1899 года в станице Старочеркасской Области Войска Донского в семье судебного следователя Николая Николаевича Туроверова

И Николай Николаевич-старший, и мама, Анна Николаевна, – из старинных состоятельных казачьих фамилий.

Своей малой родине Николай посвятит много замечательных строк:

*Моя река, мой край родной,
Моих прабабок эта сказка,
И этот ветер голубой
Средневекового Черкаска.*

Коля учился в Каменском реальном училище, когда прогремели выстрелы в Сараево. Счастливое беззаботное детство окончилось. Первая мировая война.

Никто не сомневался в скором победном марше! Не сомневался и Коля:

*Казачи скакали, тесно стремя
Прижимая к стремени соседа.
Разве не казалась в это время
Неизбежной близкая победа?*

Он тоже рвётся на фронт – отправляется вольноопределяющимся в Лейб-гвардейский атаманский полк. С чином хорунжего.

А вскоре получает сотника, а затем и подъесаула. А ведь ему только восемнадцать лет!

Гражданская война тем временем набирала свои губительные обороты. То самое время, когда брат шёл на брата:

*С тобой, мой враг, под кличкою «товарищ»,
Встречались мы, наверное, не раз.
Меня Господь спасал среди пожарищ,
Да и тебя Господь не там ли спас?*

*...Тогда с тобой мы что-то проглядели,
Смотри, чтоб нам опять не проглядеть:
Не для того ль мы оба уцелели,
Чтоб вместе за Отчизну умереть?*

Октябрьский переворот обещаемой свободы не принёс. Фронт развалился, казаки неуправляемыми толпами хлынули на Дон.

Подъесаул Туроверов попадает в ускоренный выпуск Новочеркасского военного училища. И вместе с младшим братом Сашей вступает в отряд полковника Василия Михайловича Чернецова.

Василий Михайлович первым из всех казачьих офицеров приступил к формированию партизанского отряда для защиты Дона от большевиков.

Военные таланты полковника признавали и белые, и красные. Вокруг его имени создавались легенды. Чернецова боготворили и верили в безошибочность его действий.

Но сейчас в маленьком партизанском отряде – в основном, лишь старшекурсники: кадеты, гимназисты, реалисты и семинаристы.

Говоря о составе отряда, участник тех событий отмечал: *«Я не ошибусь, наметив в юных соратниках Чернецова три общие черты: абсолютное отсутствие политики, великая жажда подвига и очень развитое сознание, что они – ещё вчера сидевшие на школьной скамье – сегодня встали на защиту своих внезапно ставших беспомощными старших братьев, отцов и учителей.*

И сколько слёз, просьб и угроз приходилось преодолевать партизанам в своих семьях, прежде чем выйти на влекущий их путь подвига под окнами родного дома!»

Всего лишь два месяца действовал отряд Чернецова. Под станицей Глубокой Василий Михайлович был ранен, его безусые партизаны, не имея возможности спасти своего командира, остались с ним и были захвачены красными.

Гибель легендарного полковника стала тяжёлым ударом для зарождавшегося Белого движения.

Остатки отряда в феврале 18-го попали в Ледяной поход.

Среди них был и Николай Туроверов, написавший об этом поэму «Новочеркасск»:

*Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою,
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою,*

*Тоску безысходного гона,
Тревоги в морозных ночах,
Да блеск тускловатый погона
На хрупких, на детских плечах.*

*Мы отдали всё, что имели,
Тебе, восемнадцатый год,
Твоей азиатской метели
Степной – за Россию – поход...*

Начальник пулемётной команды Атаманского полка подъесаул Туроверов прошёл всю гражданскую войну, получил четыре ранения и несколько боевых наград.

Именно его родной Атаманский полк прикрывал отход белых, занимая позиции у Сиваша, отступал в арьергарде и покинул родные берега буквально в последние мгновения перед тем, как Крым был занят красными.

В крымском госпитале подъесаул познакомился с очаровательной медсестрой Юленькой – Юлией Александровной Грековой.

Сейчас она, рыдая, стояла рядом на палубе последнего парохода. Братья Николай и Александр Туроверовы и Юлия Грекова навсегда покидали Россию.

*И запомнил, и помню доньне
Наш последний российский ночлег –
Эти звёзды приморской пустыни,
Этот синий мерцающий снег.*

*Стерегло нас последнее горе
После снежных татарских полей –
Ледяное Понтийское море,
Ледяная душа кораблей.*

*Всё иссякнет – и нежность, и злоба,
Всё забудем, что помнить должны,
И останется с нами до гроба
Только имя забытой страны.*

Первым пристанищем стал греческий остров Лемнос.

Под лагерь хозяева отдали бараки, землянки и палатки, оставшиеся от подразделений французской и британской армий.

На Лемносе собралось боле шестнадцати тысяч беженцев – полуживые и полуголодные казаки.

Остров оказался для них водяной тюрьмой.

Каждому полагалось по 500 граммов хлеба, немножко картошки и консервов. Казаки соорудили печки и собирали сухую траву. Но вскоре покидать территорию лагеря запретили – иначе, сразу же выгоняли.

А те, кому палаток не хватило, спали просто под открытым небом. А с осени – лагерь оказался затоплен. Вши. Тиф.

Но, несмотря на весь этот ужас, в лагере открылась палаточная церковь.

Советское правительство приглашало возвратиться. Кто-то поверил и, скорее всего, сложил голову.

Братья Туроверовы не вернулись – ведь Николай Николаевич-старший и Анна Николаевна остались на Родине. И сгинули – то ли в лагерях, то ли в ссылке.

Эмиграция привела в Сербию. У Николая и Юлии родилась Наташенька. Молодой отец с молодым дядей побывали и грузчиками, и батраками, и свальщиками.

Но, как только появлялась свободная минутка, Николай сочинял. И его строчки тут же переписывались, пересказывались, расходились в сотнях списках.

А дети первых русских эмигрантов по туроверовским стихам учились читать.

В 1922 году Туроверовым удаётся уехать во Францию. Здесь жизнь чуть наладилась, и Николай поступает в Сорбонну.

И – хотя днём он учится, а по ночам разгружает вагоны – получает, наконец, возможность раскрыть свой поэтический талант.

Первые его стихотворения опубликованы в софийской газете «Казачьи думы», а первый сборник издан в 1928 году в Париже. Назывался он «Путь».

Николай Николаевич издал ещё три сборника, все с одним названием. Просто: «Стихи». Простые и душевные стихи о Доне, о гражданской войне, об эмиграции:

*О горечь задонской полыни,
Щепотка казачьей земли!*

*Иль сердце моё расколосось?
Нет – сердце стучит и стучит.
Отчизна, не твой ли я голос
Услышал в парижской ночи?*

Стихи его так трогали, что никто не осмеливался их критиковать, а напротив, слышались только лестные отзывы. Его ценили и литераторы-современники. И даже такой строгий критик, как Иван Алексеевич Бунин, крайне ревностно относившийся к чужому творчеству, отзывался о Туроверове с восхищением.

А поэт Георгий Викторович Адамович писал: «*Это неплохие стихи. Мы даже решительно предпочтём их стихам более литературным...*»

Основные издания русской эмиграции – «Станица», «Родимый край», «Казачий журнал» с удовольствием публиковали молодого поэта.

А он в мыслях постоянно возвращался в Россию:

*С каждым годом меньше очевидцев
Этих страшных, легендарных дней.
Наше сердце приучилось биться
И спокойнее, и глуше, и ровней.*

*Что теперь мы можем и что смеем?
Полюбив спокойную страну,
Незаметно, медленно стареем
В европейском ласковом плену.*

*И растёт, и ждёт ли наша смена,
Чтобы вновь, в февральскую пургу,
Дети шли в сугробах по колени
Умирать на розовом снегу.*

Во время Второй мировой войны в составе 1-го кавалерийского полка французского Иностранного легиона Николай Туроверов сражался с немцами в Африке. Об этом – поэма «Легион».

А, вернувшись с победой, поступает на работу в крупнейший банк «Диас». И прослужит там тридцать лет. И получит медаль «За долгую и безупречную службу».

Помимо финансов и поэзии, Туроверов активно занимался историко-исследовательской работой, был организатором всевозможных казачьих обществ и различных казачьих выставок, учредил парижский кружок казаков-литераторов.

К нему за помощью и советом обращались французские писатели, занимающиеся темой «Казачьи и Наполеон». Общество «Академия Наполеона» попросило Туроверова редактировать ежемесячный сборник, посвящённый императору и казакам.

*Искать я буду терпеливо
Следы казачьей старины:
В пыли станичного архива,
В курганах древней целины.*

И с этой стороны он был в Париже популярен не менее, чем поэт. Основал «Общество ревнителей русской военной старины», а в 1947 стал председателем Парижского казачьего союза.

Это вообще довольно сложно представить – всё потеряно, кругом чужая речь, нищета, а Туроверов готовит очередную выставку или очередное заседание кружка казаков-литераторов.

Он не давал окружающим опускать руки, он заряжал своих товарищей энергией и силой, которая помогала жить.

Но родные донские степи, Крым, жизнь казачьих станиц – всё это не отпускает:

*Не плыву – улетаю в Америку.
Кто поймёт беспросветную грусть?
Это значит: к заветному берегу
Никогда, никогда не вернусь.*

*Это значит: благополучию
Свою жизнь навсегда уступил,
Полунищую, самую лучшую,
О которой я Бога просил.*

Что ощущает каждый русский, оказавшийся на чужой стороне? Не хотелось бы испытать такое чувство.

Николай Туроверов мог выразить то, что терзало тысячи его соотечественников, мысли и чувства бывших подданных Российской империи, ставших эмигрантами. Их основным смыслом жизни становились воспоминания.

*Помнишь вьюжный день на Перекопе,
Мёртвый конь, разбитые ножны...
Много лет живя с тобой в Европе,
Ничего забыть мы не должны.*

В 1965 году он вышел на пенсию, однако литературного творчества не оставил до самой смерти.

Умер поэт казачьего Зарубежья Николай Николаевич Туроверов 23 сентября 1972 года.

Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа, рядом со своей Юлией Александровной, в близости от могил своих однополчан по Атаманскому полку.

*Лучшие тебе я отдал годы,
Всё тебе доверил, не тая, –
Франция, страна моей свободы –
Мачеха весёлая моя.*

Русская зарубежная пресса откликнулась на смерть Туроверова серией статей, называя его «*поэтом талантливейшим*», «*любимым и... последним выразителем духа мятежной ветви русского народа – казачества*».

Творчество его ныне медленно, но уверенно возвращается к этому народу. Вдова брата Александра, Ирина Ивановна, сделала всё, чтобы стихи Николая наконец-то были изданы в России.

Сегодня руководство Всевеликого Войска Донского ведёт переговоры с родственниками поэта о перезахоронении праха на Родине – этого хотел он сам.

В Старочеркасской проводятся литературно-музыкальные фестивали, посвящённые поэту.

В память о Николае Туроверове открыты две мемориальные доски.

А в военных и казачьих кругах русского Зарубежья популярность Туроверова была необычайна.

В эмиграции он был тем, кем были для своих современников Сергей Есенин или Владимир Высоцкий – настоящим народным поэтом.

Поэт Владимир Смоленский так писал об одном выступлении:

«Глубина чувства и мысли, штриховая образность, реальность, скупая сжатость слов и звучность его стихов, как бы кровно вырываются из сердца, любящего и знающего казачий быт...

Николай Николаевич начал читать свои стихи...

Окончено.

Минутная тишина, тишина забытья – и дружный взрыв аплодисментов. А потом совершенно незнакомые люди, видевшие впервые Туроверова, шли к нему, жали руку, со слезами на глазах целовали его.

Крепкая любовь казака к своему родному краю (так легко совмещавшаяся со служением России, не всегда и не всем – не-казакам – понятная), казалось, была понята всеми, заразила своей силой, объединила всех».

А у Бориса Абрамовича Слуцкого – советского поэта, написавшего пронзительное стихотворение о лошадях в океане – в 2014 году тоже юбилей.

7 мая ему бы исполнилось 95 лет. Он родился в таком многострадальном сейчас Славянске.

В 70-е же годы прошлого столетия гостил во Франции другой наш советский поэт.

Роберт Иванович Рождественский.
Бывал на экскурсиях. Заглянул на лесное кладбище Святой Женевьевы.

Кто знает, может быть именно могила Николая Тuroверова и навеяла ещё одни пронзительные строки.
Тоже, про коней, кстати.

Как пел это, в те же бурные 90-е, Александр Малинин:

*Полдень. Берёзовый отсвет покоя.
В небе российские купола.
И облака, будто белые кони,
Мчатся над Сент-Женевьев-де-Буа.*

*

СТЕПЬЮ ЛАЗУРНОЮ

*Дорога въётся пропылённой лентою,
То вдаль ползёт, то лезет под откос...
И засыпает утомлённый Лермонтов,
Как мальчик, не убрав со лба волос.*

Людмила Иванова

«Мне как-то случилось прожить две недели в казачьей станице на левом фланге», - так начинается хрестоматийная повесть «Фаталист».

Представления о казачестве складывались у великого поэта и под влиянием изучения драматического прошлого русского народа, и на основе личных впечатлений.

Мрачными красками изображены казаки в раннем неоконченном романе «Вадим». Скорее всего, это отголоски устных рассказов о пугачёвщине – маленький Мишель слышал их в доме своей бабушки, Елизаветы Алексеевны Арсеньевой.

Но, не принимая кровавые крайности казачьей вольницы, взрослый Лермонтов, видимо, искренне пытался понять все сложные оттенки казачьей души, извечное свободолюбие которой отвечало и его опальным настроениям.

Казачья станица в «Фаталисте» описана довольно скупо, но лермонтовское изображение, по словам Ираклия Андроникова, *«остаётся в памяти на всю жизнь и другими описаниями не вытесняется»*.

Очень выразителен образ казака-убийцы. Почему казак убивает боевого русского офицера, а затем отказывается сдаться с повинной?

Только ли дело в том, что он *«как напьётся чихиря, так и пошёл крошить всё, что ни попало»*?

Возможно, в этом эпизоде проявилось желание (наряду, безусловно, с главным замыслом сюжета о предопределении) отразить ту мятежную, вольную казачью натуру, которая испокон веку стремилась вырваться из-под имперской власти?

Там, где другие видели обычное преступление подвыпившего рубаки, герой повести усматривает трагедию.

Помните образ старой казачки – матери убийцы? Печорину бросилось в глаза «значительное лицо старухи, выражавшей безумное отчаяние... Её губы по временам шевелились: молитву они шептали или проклятие?»

Вот так: и понимание причин мятежа казачьей души, и глубокое осознание всей его обречённости.

Не об этом ли великий поэт с горечью скажет в «Парусе»?

*А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!*

Большой московский почтовый тракт, ведущий на Кавказ, пересекал обширные просторы земли Войска Донского с севера на юг.

Он шёл через станицу Казанскую на Верхнем Дону, станицу Каменскую на Северском Донце и город Новочеркасск.

Первое впечатление – в десятилетнем возрасте. Елизавета Алексеевна повезла внука на воды.

Вторая встреча – в 1837 году, сослали, как известно, за «Смерть поэта». Но той ссылке – всего несколько месяцев, любящая бабушка выхлопотала прощение. И любимый внук вскоре снова в столице.

И снова – просит бури.

Зимой 1840 года – ссора Мишеля с сыном французского посла Эрнестом де Барантом.

Дуэль окончилась бескровно, противники разъехались с миром.

Но царь возмутился. Баранта выпроводили за границу, а Лермонтова снова сослали. Особо унижительно: кавалериста – в пехоту. В армейский полк – на самый отдалённый и опасный пункт Кавказской линии.

Второе наказание уже совсем не походило на первое: тогда это была приятная прогулка, позволявшая знакомиться с восточными традициями и фольклором, много путешествовать.

Теперь же его прибытие сопровождалось личным приказом императора не отпускать поэта с первой линии и задействовать в военных операциях.

Путь на Кавказ лежал через донские степи.

Почтовая тройка увозила опального поэта «с милого севера в сторону южную». Невесело было на душе, мрачные мысли одолевали.

Да и степь радовала не особенно. Образ её стал символом печали и тоски:

*Печален степи вид, где без препон
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучий аквилон
И пред собой свободно гонит пыль...*

Литературоведы насчитали, что Лермонтов упоминает степь около ста раз. И чаще всего она «глухая», «пустая», «палящая», «безмолвная, хранящая холодное молчание» – под стать его ссылочному настроению.

И только дважды степь дана с эпитетами «лазурная» и «голубая».

А по небу бежали одинокие облака. И очень возможно, что, глядя на них, поэт повторял свои, совсем недавно, в день отъезда из Петербурга, написанные строчки:

*Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.*

Путь от невских берегов был довольно долгим и утомительным. Изгнанник решил передохнуть.

Ещё по весне встретился он в Москве со своим сослуживцем по Лейб-гвардии гусарскому полку подполковником Александром Гавриловичем Реми.

Тот отправлялся в Донскую столицу штабным офицером к своему бывшему полковому командиру генералу Хомутову.

Почему бы не продолжить путь вместе? Они выехали из Москвы 25 мая, а в начале июня были уже в Донской столице – в Новом Черкасском граде.

Итак, остановившись на почтовой станции (здание сохранилось), отправились Реми с Лермонтовым с визитом к генералу.

Хозяин весьма радушно принял гостей. И, несмотря на очевидную разницу в звании и положении, очень тепло отнёсся к разжалованному кавалеристу.

Генерал Михаил Григорьевич Хомутов (второй по положению человек в Войске Донском), вообще, поражал окружающих своей исключительной демократичностью. Рассказывали, что в его доме никогда не запирались двери.

Остался он таким и в 1848 году, получив регалии наказного атамана Войска Донского, оставался таким и все четырнадцать лет на этом посту.

Кстати, при переводе Хомутова в Донскую столицу, полковые офицеры заказали художнику Александру Ивановичу Ключндеру свои портреты. И преподнесли начальнику. Ныне эти работы (среди которых и изображение Лермонтова), хранятся в Эрмитаже и в Павловском дворце.

Генерал и разжалованный кавалерист были хорошо знакомы – под началом генерала Хомутова в конце 1834 года корнет Лермонтов приступил к службе.

Начальник доброжелательно отнёсся к недавнему выпускнику Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, замечал его успехи, упоминал в приказах.

А когда Мишель серьёзно занемог, то именно Михаил Григорьевич приказал корнету оставаться дома и прислал лекаря.

Отношения между двумя Михаилами выходили за рамки сугубо официальных.

Об этом, к примеру, свидетельствует такой факт: в 1826 году корнет купил у генерала породистого жеребца по кличке «Парадер».

Корнет писал своей любящей бабушке: «Я на днях купил лошадь у генерала. Я прошу Вас, если есть деньги, прислать мне 1580 рублей, лошадь славная и стоит большего, а цена эта не велика».

Конечно, бабушка выручила.

Но покупка, действительно, была весьма удачной: скакун считался лучшим в полку. На Парадере гарцевал корнет Лермонтов на смотре перед императором Николаем.

Дружен был Мишель и с сестрой генерала Анной Григорьевной. Она жалела рано лишившегося матери юного кавалериста, восторгалась его литературным даром. Рассказывала молодому поэту о поэте другом – о своей давней любви. Мечтала когда-то Аннушка связать судьбу с Ваней Козловым. Но не случилось, а потом Иван Иванович потерял зрение.

Через годы слепой поэт и муза его юности вновь встретились, и Иван посвятил Анне стихи «Другу весны моей – после долгой, долгой разлуки».

Лермонтова очень тронула история этой «ля мур», и он откликнулся своим посвящением:

*Слепец, стаданьем вдохновенный,
Вам строки чудные писал,
И прежних лет восторг священный,
Воспоминаньем оживленный,
Он перед Вами изливал.*

*Но да сойдёт благословенье
На вашу жизнь за то, что Вы
Хоть на единое мгновенье
Умели снять венец мученья
С его преклонной головы.*

И вот новая встреча начальника и подчинённого.

Возможно, именно генерал посоветовал поэту посетить новочеркасский театр – а какие ещё развлечения предложить молодому парню?

Здание старого театра не сохранилось. Постоянной труппы в Новочеркасске не было. Известно, что гастролировал тогда передвижной украинский театр антрепренёра Даниила Данииловича Жураховского. Игру артистов отмечали как весьма слабую.

Что именно смотрел Лермонтов, сказать трудно, но свои театральные впечатления он изложил в письме к другу Алексею Александровичу Лопухину. Отзыв очень красноречив.

«Я заезжал в Черкасск к генералу Хомутову и прожил у него три дня, и каждый день был в театре. Что за театр!

Об этом стоит рассказать: смотришь на сцену – и ничего не видишь, ибо перед носом стоят сальные свечи, от которых глаза лопаются; смотришь назад – ничего не видишь, потому что ничего нет; смотришь направо – ничего не видишь, потому что ничего нет; смотришь налево – и видишь в ложе полицмейстера оркестр.

Составлен из четырёх кларнетов, двух контрабасов и одной скрипки, на которой пилит сам капельмейстер, и этот капельмейстер примечателен тем, что глух, и когда надо начать или кончать, то первый кларнет дергает его за фалды, а контрабас бьёт такт смычком по плечу.

Раз, по личной ненависти, он его схватил смычком, что тот обернулся и хотел пустить в него скрипкой, но в эту минуту кларнет дёрнул его за фалды, и капельмейстер упал навзничь, головой прямо в барабан и проломил кожу, но в азарте вскочил, и хотел продолжать бой и что же!

О, ужас! На голове его вместо кивера торчит барабан. Публика была в восторге, занавес опустили, а оркестр отправили на съезжую! В продолжение этой потехе я всё ждал, что будет? Так-то, мой милый Алёша!»

И смешно, и весьма грустно.

Но, потехе – три дня, а делу – всё остальное время.

Хомутов рассказал о предстоявшей военной экспедиции против горцев – в Ставрополе формируется специальный добровольческий отряд. И посоветовал Мишелю туда попроситься. И написал рекомендательное письмо генералу Павлу Граббе – главнокомандующему русскими войсками на Северном Кавказе.

С этим письмом Лермонтов и покинул Новочеркасск.

И снова – Алексею Лопухину: *«Завтра я еду в действующий отряд на левый фланг, в Чечню брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму. А если возьму, то постараюсь прислать к тебе по пересылке».*

Шутливое предсказание поэта не сбылось: минуло ещё долгих девятнадцать лет, прежде чем знаменитого горца пленил товарищ Михаила Лермонтова по юнкерской школе князь Александр Иванович Барятинский.

Каждая поездка, которую поэт совершал через донские просторы, оставляла в его душе особый след.

Впечатления от этих путешествий легли в основу многих произведений.

И запечатлелась в творческой памяти поэта история казачества. А персонажей своих поэт знал даже не понаслышке, а по личному опыту, по своим собственным наблюдениям.

Летом и осенью 1840 года Лермонтов в составе отряда, которым командовал генерал Аполлон Васильевич Галафеев, участвовал во многих походах против горцев.

В одном из боёв получил ранение командир линейной казачьей сотни разведчиков Руфин Дорохов. Командование отрядом поручили Лермонтову.

Руфин Иванович высоко отзывался о воинской отваге своего преемника: *«Славный малый – честная, прямая душа – не сносить ему головы. Мы с ним подружились и расстались со слезами на глазах. Какое-то чёрное предчувствие мне говорило, что он будет убит... Жаль, очень жаль Лермонтова, он пылок и храбр – не сносить ему головы».*

Как писал один из первых биографов поэта, Павел Александрович Висковатов, Лермонтов *«умел привязать к себе людей, совершенно входя в их образ жизни. Он спал на голой земле, ел с ними из одного котла и разделял все трудности похода».*

Но для хорошего командира этого мало.

Чтобы понравиться таким лихим рубакам и наездникам, как казаки-линейцы, необходимо было стать лучшим из них. Обладать силой, искусством верховой езды и владения холодным и стрелковым оружием.

Отзывы современников по поводу искусства верховой езды Лермонтова разнятся. Он ведь хромал – получил в манеже сильный удар копытом. Но сделал из порока достоинство – ведь так походил на самого лорда Байрона! Кстати, с Байронами Лермонтовы в родстве, но тогда Мишель этого не знал.

И, всё же думается, поэт был неплохим наездником, иначе – возглавлять сотню – бы не назначили. С горцами не мазурку танцевать!

Ещё рассказывали, что при небольшом росте и неидеальной фигуре не обделён был Михаил Юрьевич и силой – мог завязать узлом шомпол.

И стрелял Лермонтов «изрядно». Генерал Константин Христофорович Мамацев рассказывал, что он *«был отчаянно храбр, удивлял своей удалью даже старых кавказских джигитов»*, и не раз казачья сотня во главе с поручиком выручала русских артиллеристов от неминуемой смерти.

Именно «кавказцы» лермонтовского типа сделали Отдельный Кавказский корпус грозной силой.

В терминах тех времён действия такой сотни иначе, чем «партизанской войной», назвать было трудно. По существу же, это была особая штурмовая группа, прообраз современного спецназа, с широким диапазоном боевых задач. Условия горной войны диктовали при этом и выбор оружия, и способы ведения боя.

Интересна в этом плане оценка офицера Генштаба барона Льва Васильевича Россильона: *«Они не признавали огнестрельного оружия, врезывались в неприятельские аулы и именовались громким именем Лермонтовского отряда»*.

Штабист поэта не любил, но его отрицательный отзыв всё равно воспринимается как положительный.

Если сотня стала носить имя командира, значит, командир заслужил уважение казаков!

В декабре Галафеев подал рапорт с описанием самоотверженных и мужественных действий Лермонтова во всех походах и выражением просьбы о переводе его в гвардию с сохранением чина и *«отданием старшинства»*.

Аполлон Васильевич указывал: *«Невозможно было сделать выбор удачнее: всюду поручик Лермонтов, везде первый подвергался выстрелам хищников и во всех делах оказывал самоотвержение и распорядительность выше всякой похвалы»*.

А его *«конная команда из казаков-охотников, которая, находясь всегда впереди отряда, первая встречала неприятеля и, выдерживая его натиски, весьма часто обращала в бегство сильные партии»*.

Высоко ценил Лермонтова как дельного и храброго офицера и генерал Граббе.

В дополнение к галафеевскому рапорту он также отправил в Петербург представление к награждению молодого поручика золотой саблей с надписью *«За храбрость»*.

Ходатайство генералов поддержал князь Василий Петрович Голицын.

Желанная награда давала бы надежду на прощение и отставку – опальный поэт об этом мечтал, давая себе слово навсегда сменить штык на перо, собирался издавать журнал и писать большой роман из кавказской истории времён Екатерины.

Но никаких наград поручику не дали.

Зато поручик очень обрадовался, узнав, что генерал Граббе неплохо знаком с его творчеством. И сам, оказывается, писал стихи, а сейчас ведёт дневник кавказских событий. Литературные интересы Павла Христофоровича были весьма многогранны.

К тому же, воображение поручика, без сомнения, волновало и то обстоятельство, что его генерал в молодости близко знал многих декабристов.

В январе 1841 года Павел Христофорович вызвал Лермонтова в Ставрополь и вручил письмо для передачи ещё одному генералу – Алексею Петровичу Ермолову. Через две недели Михаил Юрьевич был уже в Москве у адресата.

Оба генерала были для Лермонтова живым олицетворением Бородинского сражения: Граббе – адъютант Ермолова.

В поэме «Черкесы» описана погоня донцов за разбитыми в сражении горцами:

*Черкесы побеждённы мчатся,
Преследуемы толпой,*

*Сынов неустрашимых Дона,
Которых Рейн, Лоар и Рона
Видали на своих берегах,
Несут за ними смерть и страх.*

Поэт, видимо, не случайно напомнил о славных подвигах казачества в Отечественной войне 1812 года и в заграничных походах русских войск.

Он придерживался традиций суворовской и кутузовской школы военного искусства – их изложил в рассуждениях «Об употреблении лёгкой кавалерии» любимый двоюродный дед поэта генерал Николай Алексеевич Столыпин.

«Мы первые... в компании 1812 года показали истинное употребление лёгкой кавалерии и образец партизанской войны.

Образовав её, покойный князь Михаил Ларионович опровергнул, наконец, всегдашний... упрёк, делаемый лёгкой кавалерии, что она несравненно меньше предпринимает, нежели, сколько могла бы сделать. Наша лёгкая кавалерия в 1812 году... делала больше, нежели можно было даже надеяться...»

И дальше: *«Служба в... кавалерии... тем полезнее для всякого хорошего офицера... что беспрестанно употребляется на передовых постах и в отрядах, где офицеры приобретают опытность войны».*

Не будет преувеличением утверждать, что общение Лермонтова с генералами Хомутовым и Граббе было одной из светлых полос в ссылочной жизни великого поэта. Оба они относились к поэту с неизменным уважением, и он отвечал им тем же.

Биографии генералов заслуженно украшает немало лестных характеристик.

Для нас хватило бы одного факта: Михаил Хомутов и Павел Граббе были сослуживцами Михаила Лермонтова, его старшими товарищами, его заботливыми командирами.

Два десятилетия спустя Павел Граббе стал войсковым наказным атаманом Войска Донского, сменив Михаила Хомутова.

Но об этом поручик уже не узнал: 27 июля 1841 года пуля из дуэльного пистолета поставит точку в его биографии. Через шесть месяцев после беседы в Ставрополе.

В своих произведениях Лермонтов очень реалистично изображает будни казаков в условиях Кавказской войны.

И хотя нет у него романов и поэм, целиком посвящённых казакам, во многих донцы – главные действующие лица: «Черкесы», «Измаил-Бей», «Аул Бастунджи», «Герой нашего времени».

В ранней поэме «Кавказский пленник» (написанной под влиянием детских впечатлений и рассказов родственников – кавказских офицеров) автор сетует, что прибывавшие для службы на линии донские казаки больше гибнут от глупости, нежели от прямых стычек с горцами:

*Беда беспечным казакам!
Не зреть уж им родного Дона,
Не слышать колоколов звона!*

Кавказские казаки-линейцы более собраны и бдительны. В поэме «Черкесы» –

*Маяк блестит, и сторож бродит;
В окружность быстрым оком смотрит
И на плече ружье несёт.
Лишь только слышно: «Кто идёт?»
Лишь громко «слушай» раздаётся.*

В стихотворении «Валерик» описан бой между кавказским мюридом и гребенским казаком.

«Этот род рыцарских поединков, - отмечал Висковатов, - практиковался, несмотря на официальное его запрещение. Чеченцы на запрет не обращали, конечно, внимания. А из русских находились охотники принимать вызовы».

*Но в этих сшибках удалых,
Забавы много, толку мало;
Прохладным вечером, бывало,
Мы любовались на них,
Без кровожадного волнения
Как на трагический балет...*

Совершенно особое место в творчестве Михаила Юрьевича Лермонтова занимает «Казачья колыбельная песня».

Глубокий лирический образ беззаветной материнской любви.

Сами казаки по достоинству оценили как жизненную достоверность, так и поэтическую прелесть «Колыбельной».

По версии Андроникова «Колыбельная» написана в станице Старомышастовской, на Кубани.

А дореволюционный историк терского казачества Георгий Андреевич Ткачёв указывал на станицу Червлёную: там рассказывали, как Лермонтов в хате (где ему отвели постой) увидел редкой красоты молодую казачку Дуньку Догадиху – она качала колыбельку.

Столичного гостя эта случайная сценка очаровала. Поэт подарил *«на зубок младенцу»* серебряную наполеоновскую монетку, тут же присел к столу – и через полчаса на свет появился маленький шедевр.

Особое отношение к песне было у казачьего Зарубежья.

Профессор теологии из Лос-Анджелеса Владимир Григорьевич Улитин писал, что *«юный Лермонтов увековечил задушевно-прекрасный образ матери-казачки, в котором отразилась вся сущность природы казака»*.

А председатель французского Казачьего союза историк Борис Африканович Богаевский отмечал, что *«в «Колыбельной» Лермонтова изложена вся программа воспитания подрастающего поколения казаков»*.

«Колыбельная» вошла в школьные хрестоматии и нотные сборники ещё в XIX веке. Стихи эти положены на музыку очень многими композиторами. И давно считаются народными.

Существует версия, что и Лермонтов сам сочинил музыку на свои же слова. Но пока ноты эти не найдены.

Василий Осипович Ключевский считал, что *«Казачья колыбельная песня» «своим стихом почти освобождает композитора от труда подбирать мотивы и звуки при её переложении на ноты».*

Но Лермонтова не только поют.

Летом 1896 года в Россию пришёл синематограф – спустя всего несколько месяцев после исторического сеанса на бульваре Капуцинов. Братья Луи и Огюст Люмьер покорили планету.

Новое изобретение демонстрируется в Санкт-Петербурге, в Нижнем Новгороде, Киеве и Харькове. И в Ростове-на-Дону.

Первым в России серьёзно занялся зрелищной диковинкой ростовчанин Александр Алексеевич Ханжонков.

В 1909 году его фирма выпускает две картины по произведениям Михаила Юрьевича Лермонтова. «Песня про купца Калашникова» и «Боярин Орша». В 1913 году Александр Ханжонков создаёт экранизацию первой части романа «Герой нашего времени». Фильм «Бэла».

К 100-летию со дня гибели поэта, в 1941 году, один из корифеев советского кино, режиссёр Сергей Апполинариевич Герасимов, снимает фильм по драме «Маскарад». С великолепными Тамарой Фёдоровной Макаровой и Николаем Дмитриевичем Мордвиновым в главных ролях.

Евгений Арбенин – Николай Мордвинов – актёр, несколько лет радовавший ростовчан своей игрой на сцене Театра имени Максима Горького.

В 1955 году режиссёр Исидор Маркович Анненский экранизирует ещё одну часть «Героя нашего времени». Лента «Княжна Мери».

Исидор Анненский также отдал часть своей профессиональной деятельности донским театрам.

В 2014 году, 15 октября, мы будем отмечать 200-летие со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова.

Гениальный поэт. Прозаик, драматург. Художник, композитор. Сохранились рассказы о таланте шахматиста.

Столько отпущено – и на такой короткий срок!
Двадцать шесть лет.

Возможно, чем меньше прожил поэт и чем больше успел при этом написать шедевров, тем ярче его гениальность. Дар. Дар, данный Богом.

Лермонтов ушёл от нас совсем молодым, когда ещё даже не зовут по отчеству.

Нет, не Михаил Юрьевич. Он был для всех Мишель.

И именно Мишелю Лермонтову выпало подхватить лиру из рук умирающего Александра Пушкина.

И вознести её настолько высоко, что заданная этими титанами поэтическая планка так и не была преодолена последующими поколениями литераторов.

Хотя талантливых претендентов в России хватало. И хватает.

Вот два подтверждения. Два примера.

Взяты они из сборника под названием «Мой Лермонтов: Стихи ростовских поэтов».

Памяти Великого поэта.

Любовь Волошинова

Посвящается встрече на Кавказе
Михаила Лермонтова
и француженки Адель Омер де Гель

*Доныне о знакомстве этом спорят
биографы, писатели, поэты...
Что между ними в эту осень было?
Волненья, сожаленья, поцелуи?..*

*О встрече той безмолвствуют лишь звёзды,
хранят молчанье горные вершины,
поют в предгорьях Бештау ветры
и гулко шепчут на распутье травы...*

*Дано ли смертным людям угадать,
что было между Музой и Поэтом,
когда за его душу спор вели –
хранитель – ангел снежно-белокрылый
и демон смерти с грустными глазами...*

Николай Скрёбов

*...Нет, никогда не позабуду,
Как он вошёл в мою печаль...
Но, как же ты возникло, чудо,
Как ты свершилось невзначай?*

*Ты принесло нежданный праздник
Мне в детство, стёртое войной:
Голодных нас, иззябших, грязных,
Качало чистою волной!*

*И розовело на востоке,
И над страдальческой судьбой
Светился парус одинокий
В нетленной дали голубой!*

Многие из однокашников Мишеля, повоевавших на Кавказе, дослужились до генеральских погон.

Он же так и остался в нашей памяти поручиком Тенгинского пехотного полка.

*Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой.*

Михаил Юрьевич Лермонтов.

*

СЛОВАРЬ:

Аквилон – название северо-восточного ветра (древнеримское божество).

Бенкендорф Александр Христофорович – шеф жандармов и Главный начальник III отделения Собственной канцелярии императора.

Зейтунское восстание 1862 года – первое из вооружённых восстаний армян против Османской империи (провинция Зейтун).

Капельмейстер – дирижёр.

Ледяной поход (22 февраля - 13 мая 1918 года) – первый Кубанский поход Добровольческой армии от Ростова-на-Дону к Екатеринодару и обратно.

Ознобишин Дмитрий Иванович – генерал-майор Генштаба, известный библиофил.

Патканян Габриэл Серопович – священнослужитель, литератор.

Пернач – холодное оружие, разновидность булавы, использовался как символ атаманской власти.

Полицмейстер – начальник полиции в крупных городах.

«Процесс 32-х» («Дело о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами») – один из крупнейших политических процессов второй половины XIX века.

Сорбонна – Парижский университет, один из старейших в Европе.

Фалды – удлиненные задние концы фрака или мундира.

Шамиль – предводитель восточных кавказских горцев, вёл борьбу против Российской империи.

Шомпол – стальной (ранее деревянный) стержень для смазки и чистки ручного огнестрельного оружия.

*

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

Ароян И. Кому достанется индийское наследство? // Газета Дона. – 2004. – 2 июня. – С. 6.

Айрумян А. М. Налбандян и его родной город. // Вечерний Ростов. – 1984. – 14 ноября. – С. 4.

Андреев-Кривич С. Всеведение поэта. – М.: Советская Россия, 1973.

Андрианов В., Терещенко А. Памятники Дона. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1981.

Андроников И. Рассказы литературоведа. – М.: Просвещение, 1962.

Анисимов А. Василий Дмитриевич Сухоруков. // Молот. – 1989. – 4 августа. – С. 4.

Висковатов П. Михаил Юрьевич Лермонтов. – М.: Современник, 1987.

Гегузин И. Страницы Ростовской летописи. – Ч. 1. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1990.

Донской временник. Год 2005-й. – Ростов н/Д: ДГПБ, 2004.

Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 году. Вып. 13 – Азов: Кн. изд-во, 1994.

Иванова Т. Лермонтов на Кавказе. – М.: Детская литература, 1966.

История Дона. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1973.

Лермонтовская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1981.

Люди Земли Донской. – Ростов н/Д, Омега-Принт, 2008.

Налбандян М. Избранное. – М.: Московский рабочий, 1977.

Нечкина М. Декабристы. – М.: Наука, 1966.

Плевакин Б. Был и я среди донцов. – М.: Современник, 1985.

Плевакин Б. Наши знаменитые земляки. // Дон. – 1977. – № 2. – С. 181.

Пушкин А. Собр. соч. в 10 т. – М.: Художественная литература, 1966.

Румянцев В. И вышли на площадь. – Л. Современник, 1974.

Симонян К. Микаэл Налбандян. – М.: Молодая гвардия, 1984.

Сухоруков В. Историческое описание Земли Войска Донского. – Ростов н/Д: ГинГо, 2001.

Сухоруков В. Краткое историческое известие о бывшем на Дону городе Черкаске. // Богатый колодезь. Вып. 1. – Ростов н/Д, 1991. – С. 99.

Туроверов Н. Бурей растревоженная степь. – Ростов н/Д: Приазовский край, 2008.

Черейский Л. Современники Пушкина. – М.: Современник, 1999.

<http://a-pesni.org/kazaki/a-otkuda.htm>
<http://a-s-pushkin.ru/books/item/f00/s00/z0000012/st003.shtml>
http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/117784
<http://don.pyzhov-history.ru/>
[http://dspl.ru/eLib/Pages/Person/personDetails.aspx?pid=8.](http://dspl.ru/eLib/Pages/Person/personDetails.aspx?pid=8)
<http://interpretive.ru/dictionary/405/word/suhorukov-vasilii-dmitrievich>
<http://itmydream.com/citati/iz/mikael-lazarevich-nalbandyan/>
http://lermontov.rhga.ru/lich/detail.php?ELEMENT_ID=1820&ART_NAME=
<http://rslovar.com/content>
<http://ru.hayazg.info>
<http://viparmenia.org/threads/2882>
<http://ru.wikipedia.org/wiki>
<http://samarahay.ru/useful/arm-literature/nalbandjan-mikajel.html>
<http://slovar.com.ua/kazak>
<http://www.biografija.ru/biography/nalbandyan-mikael.htm>
<http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m>
http://www.kazakdona.ru/index.php?nma=catalog&fla=stat&cat_id=6&nums=106
<http://www.peoples.ru/art/literature/story/nalbandian/>
<http://www.pr.ua/news.php?new=12456>
<http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu->
<http://www.stihi.ru/2010/11/12/9867>
<http://www.yulia-varsham.ru/nalbandyan.html>
<http://www.woa/wa/Main?textid=523&level1=main&level2=articles>

Сборник «Близ Азовских берегов» знакомит читателя с донскими моментами в биографии Михаила Юрьевича Лермонтова.

Во второй части сборника рассказывается о жизни и творчестве донских литераторов – историка Василия Сухорукова, философа Микаэла Налбандяна и поэта казачьего Зарубежья Николая Туроверова.